

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт восточных рукописей

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

2₍₁₇₎

осень — зима

2012

Журнал основан в 2004 году

Выходит 2 раза в год

В НОМЕРЕ:

К 125-летию со дня рождения
академика И.А. Орбели

<i>И.Ф. Попова.</i> И.А. Орбели в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР	5
<i>Ж.С. Мусаэлян.</i> И.А. Орбели и курдская филология	15

ПУБЛИКАЦИИ

Танский политический трактат из Дуньхуана. Предисловие и перевод с китайского языка <i>И.Ф. Поповой</i>	22
Документы из Хара-Хото о займе зерна. Предисловие и перевод с тангутского языка <i>Е.И. Кычанова</i>	38
<i>Аракава Синтаро.</i> О рисунке тангутского «камнемета», хранящемся в ИВР РАН	44
<i>Самань куварань-и битхэ</i> («Шаманский двор»). Перевод с маньчжурского языка и предисловие <i>Т.А. Пан</i>	52

ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>О.М. Чунакова.</i> Парфянские личные имена: семантика и структура	65
<i>А.Л. Хосроев.</i> К толкованию некоторых понятий в так называемом «Трехчастном трактате» (<i>Nag Hammadi Codex I.5: 109.21–110.22</i>)	75
<i>З.А. Юсупова.</i> Письменные памятники как источник изучения курдского языка: «Диван» Ранджури (на диалекте горани)	96
<i>Ж.С. Мусаэлян.</i> Курдская рукопись середины XIX в. из Архива Востоковедов ИВР РАН	115
<i>Ю.А. Иоаннесян.</i> Божественное созидательное начало в авраамических религиях	133
<i>В.Ю. Шелестин.</i> Паритетные договоры царей Кишцувадны	156
<i>Вэй Ин-чунь.</i> О фрагменте Дх-234 российской дуньхуанской коллекции (перевод с китайского языка <i>И.Ф. Поповой</i>)	183

«Наука»
Издательская фирма
«Восточная литература»
2012

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- О.П. Щеглова.* Роль книготорговцев в развитии литографского книгоиздания (XIX — первое десятилетие XX в.) 195
- Д.Г. Кукеев.* О некоторых современных направлениях историографии истории Джунгарского ханства 210
- М.А. Мусаев, Ш.Ш. Шихалиев.* Чудесные деяния святых в арабоязычных суфийских биографических сочинениях дагестанских шейхов начала XX века 218
- П.С. Тентюк.* «Законоведная макама» ал-'Аббаса по рукописи В 66 из собрания ИВР РАН 233
- А.М. Кабанов.** Влияние китайской культуры на средневековую Японию (на примере дзэн-буддийской поэзии) 241

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

- К.М. Богданов.* Каталогизация материалов фонда тангутских рукописей и ксилографов ИВР РАН: история, проблемы, перспективы работы 269
- К.Г. Маранджян.* Дмитрий Матвеевич Позднеев (1865–1937): к портрету «культурного бродяги» 281
- С.И. Марахонова.* Востоковед Сергей Елисеев в Гарварде в 1932–1957 гг. 304
- А.Я. Борисов, А.П. Рифтин, Н.В. Юшманов.* История кафедры семито-хамитской филологии (Музей истории СПбГУ. Ф. ФИК, д. 127, лл. 52–67). Предисловие и публикация *Г.Х. Каплан* 315

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- О.М. Чунакова.* Международный симпозиум, посвященный 125-летию со дня рождения академика Иосифа Абгаровича Орбели 327
- И.В. Кульганек.* Пятая научно-практическая конференция: «Путешествия на Восток–2011» 331
- А.Х. Юлгушева.* XXXIV ежегодная сессия петербургских арабистов 334
- В.П. Иванов.* XXXIII Зографские чтения. Проблемы интерпретации традиционного индийского текста (16–18 мая 2012 г., Санкт-Петербург) 337
- Ю.В. Болтач.* Пятые Доржиевские чтения «Буддизм и современный мир» (13–15 июня 2012 г. Санкт-Петербург) 340
- Н.О. Чехович.* Выставка из собрания акад. Николая Лихачева 343
- На четвертой стороне обложки: Документ из Дуньхуанской коллекции ИВР РАН (к статье Вэй Ин-чунь) *И.Ф. Попова.* Международная конференция «Тангуты и Центральная Азия» 345

РЕЦЕНЗИИ

- Yuriy Malikov.* Tsars, Cossacks and Nomads. The Formation of a Borderland Culture in Northern Kazakhstan in the Eighteenth and Nineteenth Centuries. (*И.В. Герасимов*) 348
- Индийская философия: Энциклопедия / Отв. ред. М.Т. Степанянц; Ин-т философии РАН. (*С.Л. Бурмистров*) 353
- Философия буддизма: энциклопедия / Отв. ред. М.Т. Степанянц; Ин-т философии РАН. (*М.И. Воробьева-Десятовская, Е.П. Островская*) 357

IN MEMORIAM

- Анаит Георгиевна Периханиян (1928–2012) (*О.М. Чунакова*) 364

Д.Г. Кукеев

О некоторых современных направлениях историографии истории Джунгарского ханства

Данная статья посвящается анализу особенностей в историографиях Казахстана, Китайской Народной Республики и Японии при исследовании истории Джунгарского ханства (1635–1758). Автор пытается вскрыть специфические черты концептуального подхода историков, занимающихся изучением истории Джунгарского ханства. В статье показываются ошибочные концепции и новые методы исследования для реконструкции исторических событий истории Джунгарского ханства, которые были выполнены исследователями из вышеописанных стран.

Ключевые слова: Джунгарское ханство, современная китайская историография, «великое единение», «да тун», «хунтайджийство».

Изучение истории Джунгарского ханства требует более взвешенного подхода, поскольку в исторической науке различных государств существует тенденция различного, порой прямо противоположного толкования истории «последней кочевой империи в Азии», как называют Джунгарское ханство (1635–1758) в историографии тех стран, с которыми непосредственно граничила Джунгария и к которым перешли ее территории после гибели этого государства.

Здесь нам хотелось бы взять для сравнения и проанализировать точки зрения авторов некоторых работ, представляющих историографии различных стран по интересующей нас теме, и привести полученные в ходе этого анализа результаты. В данной статье делается попытка рассказать о некоторых чертах современной китайской историографии, а также современной казахстанской и японской, посвященных исследованию взаимоотношений трех субъектов «треугольника»: Джунгарское ханство, Российская империя, Цинская империя. Это, в свою очередь, поможет выявлению отрицательных факторов, ошибочных концепций, появившихся на историческом фронте в последние десятилетия и мешающих, на наш взгляд, развитию подлинной науки.

Если рассматривать работы казахстанских исследователей, то становится понятным, что изучение исторических явлений в Джунгарском ханстве здесь рассматривают преимущественно в контексте джунгаро-казахских отношений. Следует сказать, что многие вопросы, относящиеся к джунгаро-казахским отношениям, затрагивались уже в 50–60-х годах XX в. в общих работах по истории Казахской ССР, т.е. работах советского периода. Как отмечает Р.Б. Сулейменов, в исследовании внешнеполитических связей Казахстана XVI–XVIII вв., в том числе по истории джунгаро-казахских отношений, советская историография достигла значительного успеха. Были введены в оборот новые источники, расширился фронт исторических исследований, повышались их качество и методологический уровень. Однако остается еще много неизученных и спорных вопросов (Сулейменов, 1983, с. 29). Необходимость их решения сохраняется, принимая во внимание повышенный интерес к ним со стороны зарубежных историков, стремящихся трактовать историю джунгарского населения, исходя из

современных политических конъюнктурных интересов. Поскольку после распада СССР Казахстан стал независимым государством, то и официальная историография этой страны коренным образом изменила предыдущие оценки политики России в джунгаро-казахских конфликтах. Изменение историографической парадигмы, вытекавшей и из позиции властных структур страны, стало определяющим для создания иного государственного дискурса. Примером может служить подвергшаяся критике В.А. Моисеевым изданная в 1993 г. в Алма-Ате «История Казахстана с древнейших времен до наших дней». В.А. Моисеев считает, что авторы данного труда в приведенной карте-схеме «Казахстан в XVIII веке» без достаточных на то научных оснований включили в состав казахских владений огромные территории Джунгарии, Сибири, Нижнего Поволжья (Моисеев, 2001, с. 87). В.А. Моисеев также констатировал, что к концу XX столетия «извращение истории взаимоотношений Джунгарского ханства с казахскими жузами и политики России в Центральной Азии свидетельствует о деградации казахской исторической науки, ее отходе от принципа объективности и научности при изучении и реконструкции явлений и событий прошлого, игнорировании достижений предшественников — подмене поиска истины вымыслами» (там же, с. 168). Другой интересной особенностью в казахстанском историческом мифотворчестве является то, что Россия рисуется таким же историческим врагом казахов, как джунгары. Проводится мысль, что Россия провоцировала казахско-джунгарские войны, подталкивала джунгарскую знать к вторжениям в Казахстан (там же, с. 61). «Накапливая силы на северных и западных границах Казахстана для продвижения вглубь территории по Уралу, Есилю (Ишиму) и Иртышу, Российская империя, наряду с этим, организовывала вторжение джунгар на территорию Казахского ханства с юга... В первую очередь приступила к вооружению и укреплению армии джунгар, для чего через Кузнецк (Кемеровская область) постоянно передавала им огнестрельное оружие и посылала к ним военных специалистов» (Данияров, 1998, с. 42). Пересмотрев свои прежние оценки советского периода, некоторые казахстанские историки пришли к выводу, что Россия натравливала ойратов на казахов, снабжала джунгаров огнестрельным и даже артиллерийским оружием (Моисеев, 2001, с. 158). Становится известно, что с приобретением независимости Казахстаном произошла смена концепции присоединения Казахстана к России и его последствий, причем это произошло не только без ввода в научный оборот новых источников, но и при игнорировании давно известных документов. В связи с этим, если верить В.А. Моисееву, в Институте истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова была разработана комплексная программа «по преодолению негативного наследия прошлого в исторической науке». Приоритетное место в этой программе занимает проблема вхождения Казахстана в состав России, национально-освободительных войн казахского народа против «русских и джунгарских завоеваний» (там же, с. 159).

Бывают и совершенные казусы. Так, некоторые казахстанские «исследователи» утверждают, что не Россия, а Китай, теснивший Джунгарию с востока, спасал казахский народ от ойратских вторжений. «Следует благодарить великий китайский народ, — восклицает М. Магауин, — его воинственного богдыхана Сюань Е за спасение казахов от неминуемой гибели» (там же, с. 167)

Чисто казахстанским мифом, не схожим с «результатами» трудов китайской историографии (которые будут описаны ниже), можно считать ошибочное утверждение, согласно которому военные походы экспедиции русских в Джунгарию в 1714–1720 гг. под руководством И.Д. Бухгольца и И.М. Лихарева и др. и строительство крепостей по Иртышу представляли собой вторжения «на временно оккупированные джунгарами казахские земли» (цит. по: Моисеев, 2001, с. 168). Однако не стоит пол-

ностью проводить абсолютный знак равенства между казахстанской исторической наукой и мифотворчеством, следует отметить, что в среде казахстанских историков остаются и те, кто старается избежать мифологизации казахской истории и пытается подойти к описанию исторических событий, основываясь на реальных фактах истории. К таковым относят историков Р.Б. Сулейменова, И.В. Ерофееву.

Что касается методологического подхода в казахстанской исторической науке по данной тематике, то, как отмечает И.В. Ерофеева, «ко времени обретения бывшей Казахской ССР суверенного государственного статуса для казахстанских историков стали очевидны далеко не только отмеченные достижения советской исторической науки, но и ряд ее существенных пробелов в раскрытии истории взаимоотношений двух кочевых народов. К числу последних следует в первую очередь отнести поверхностный характер изучения многих казахско-ойратских войн XVII–XVIII вв., отсутствие точной пространственно-географической локализации их наиболее крупных и исторически значимых событий, в том числе победоносных сражений казахов с джунгарами в междуречье рек Буланты-Беляуты, на юго-западном побережье оз. Балхаш и в урочище Аныракай, увенчавших самую тяжелую и кровопролитную для них народно-освободительную эпопею. Во всех трудах, прямо или косвенно затрагивающих эту проблему, внешние границы земельных владений ойратов на территории Казахстана в конце XVII — первой половине XVIII в. показаны в самом общем и неопределенном виде без конкретного обозначения всей совокупности трансграничных рек, гор и холмов, отделявших в течение многих лет ойратские и казахские кочевья друг от друга, и различных изменений в географическом расположении казахско-ойратских рубежей в разные исторические эпохи. Кроме того, в исторической науке до сих пор не осуществлены выявление и последовательная систематизация разнообразных фактических данных о местах размещения кочевых ставок джунгарских ханов, главных джунгарских ламаистских сооружений и ограждавших их от соседних казахов передовых пограничных крепостей, что позволило бы четко определить основные географические пункты дислокации крупных воинских подразделений ойратов в 20-х гг. XVIII в. и на этой основе более точно установить исторические ареалы главных сражений ойрато-казахской войны 1723–1730 гг.» (Ерофеева, 2006, с. 80–81).

В то же время в исследованиях казахско-джунгарских взаимоотношений, проводимых учеными Казахстана, можно увидеть новые методы. Как известно, главная сложность изучения данной проблемы кроется именно в том, что многие события из истории этих взаимоотношений не нашли своего отражения в письменных русских и восточных источниках того времени, а у казахов подобной традиции передачи информации не было. Ограничиваясь устными произведениями казахского фольклора в комплексе с данными русских архивных материалов, записанных Левшиным А.И. (Левшин, 1996) и Гавердовским Я.П. (Архив ИИ РАН. Кол. 115, № 495), казахстанская историческая наука в этом направлении исчерпывает себя. Тем не менее поиск дальнейших исследований привел к методу использования взаимодополняемых и взаимоуточняющих свидетельств различных гуманитарных и естественных наук. В связи с этим И.В. Ерофеевой было выделено четыре типа исторических свидетельств: документальные или письменные материалы, вещественные памятники, эмпирические и технотронные источники (Ерофеева, 2006, с. 90). Если первые два вида нам понятны, то последние два нуждаются в пояснении. По ее словам, «эмпирические источники — это репрезентативные результаты специальных научных исследований особенностей строения земли, ее растительного и животного мира и характера взаимоотношений природы и культуры. Этот тип источников включает в себя целую систему специальных знаний из области естественных и смежных наук, которая ох-

ватывает разнообразную информацию по четвертичной геологии, физической и экономической географии, геоморфологии, ботанике, зоологии домашних животных, этнической экологии, геoarхеологии, этнографии, этнологии и т.д.» (там же, с. 99). Технотронные источники, как объясняет И.В. Ерофеева, это «исторические свидетельства, полученные с помощью современных технических средств. К этому типу источников относятся наряду с аудио- и видеозаписями и обычными фотографиями людей и исторических памятников, фиксирующими в результате съемки на местности каждый материальный объект научного познания историка отдельно от окружающего его ландшафта и других памятников, аэроснимки и космоснимки крупных участков обследуемого геoarхеологического пространства, на которых запечатлена вся совокупность интересующих его предметов естественного и антропогенного происхождения» (там же, с. 99).

Теперь перейдем к рассмотрению современной китайской историографии. Отметим, что научная общественность КНР знакома с зарубежными трудами по истории Джунгарии как российских, так и японских историков, работающих на одном с ними поприще. Изучение трудов западной и японской историографии по истории Джунгарского ханства в исторической науке КНР сводится к работе, в которой мы отметим два направления: это переводы на китайский язык наиболее важных работ зарубежных авторов по джунгарской тематике и разработка китайскими историками концепции «великого единения» («да тун»). В свою очередь, в концепции «да тун» имеется одна важная деталь, которая находит отражение в активной разработке антиросийской темы. Например, по мнению профессора Ма Дачжэна, директора Центра по изучению проблем границ при Академии общественных наук КНР, и Ма Жухэна, целями русских властей являлась экспансия, выразившаяся в использовании Амурсаны для установления контроля над Джунгарией. Ма отмечает, что сибирские губернаторы внимательно следили за развитием событий у джунгаров, и предполагает, что у русских здесь была довольно активная агентура. Как нам известно, русские власти действительно наблюдали за развитием событий, но не вмешивались непосредственно в джунгарские дела. Тем не менее китайские авторы, искажая факты, пишут, что «восстание Амурсаны не было военным восстанием, а было попыткой расколоть национальности, поддержанной русскими (миньцзу фэньле паньлуань)», и цитируют каноническое утверждение Мао Цзэ-дуна: «Наша страна — это большая и густонаселенная нация, состоящая из множества различных национальностей» (Ма Жухэн, Ма Дачжэн, 1994, с. 107). Далее они продолжают: «...династия Цин была периодом, когда наша объединенная нация из множества национальностей становилась все более объединенной и развитой. Подавление [императором] Цяньлуном восстания Амурсаны продолжало те задачи [императоров] Канси и Юнчжэна, которые защищали единство нации и вели справедливую войну, для того чтобы противодействовать русской агрессии. Это сражение не только усиливало и развивало единство многонационального государства, но также совпадало с требованиями единения каждой из национальностей и их общим желанием противостоять расколу. Поэтому победа над восстанием в этой войне стала неизбежной» (там же, с. 107; Perdue, 2005, p. 511).

В связи с этим всплывает та же самая специфическая черта современной китайской историографии, описывающая историю Джунгарского ханства, в которой негативными чертами наделяется Российская империя и ее колонизаторская политика.

Как мы видим, по иронии судьбы у казахских мифотворцев и историков КНР общим местом является изображение истории Джунгарского ханства в связи с российской колонизацией. Хотя цели, преследуемые авторами этих версий различны, обе они избилуют анахронизмами. Описание исторических событий грешит применени-

ем таких «модернизированных» терминов, как «агентура», «национальность», «раскол единой Родины» и др., в то время как в действительности ни джунгары, ни казахи, ни русские на тот момент не имели об этих явлениях такого представления, какое им приписывается вышеописанными авторами.

Теперь же нам хотелось бы отметить особенность переведенных на китайский язык трудов японской историографии, в которых затрагивается непосредственно или опосредованно история Джунгарского ханства. Следует отметить, что японская историография довольно активно разрабатывает вопросы истории Джунгарского ханства. По ссылкам в работах китайских историков выясняется, что существует ряд работ японских исследователей, которые внесли определенный вклад в изучение истории Монголии и Центральной Азии в целом и истории Джунгарии в частности. Последняя кочевая империя центральноазиатских степей XVIII в. — Джунгарское ханство не перестает привлекать к себе их внимание и по сей день. Современная историография, изучающая Джунгарское ханство, несет на себе влияние политической конъюнктуры. «Политизация» при исследовании истории Джунгарского ханства, возможно, объясняется стремлением обосновать свое право на наследование оставшихся после его разгрома территорий историками тех государств, с которыми непосредственно граничило Джунгарское ханство и к которым перешли его территории. В современной китайской историографии довольно часто упоминаются исследования японского историка 30-х годов XX в. Вада Сэй (на китайском языке прочтение его имени и фамилии звучит как Хэ Тяньцин). Его теоретические идеи нашли отражение в его исследовательских трудах (Wada Sei, 1959; Хэ Тяньцин, 1984), которые впоследствии были поддержаны японскими и китайскими учеными. К сожалению, суть его трудов пока остается нам неизвестной, поскольку нам не знакомы его работы в переводе на английский и тем более на русский язык. Можно предполагать, что теоретические аспекты и взгляды этого ученого включают в себя политическое обоснование права наследования земель бывшего Джунгарского ханства Китаем, поскольку последователи Вада Сэй в лице Хидехиро Окада и Дзюнько Мияваки склонны видеть в Джунгарском ханстве XVII–XVIII вв. не ханство, а «хунтайджийство», которое в своей основе предполагает отсутствие у джунгаров «государственности», а лишь наличие у них брачно-союзных отношений между правителями ойратских племен (Miyawaki, 1982, p. 361–370). Таким образом, активное использование термина «княжество» («хунтайджийство») в попавшихся нам работах представителей востоковедной исторической науки Японии по отношению к Джунгарии взамен принятого в западном и российском востоковедении термина «ханство» является определенной особенностью японского ойратоведения.

Исследованиям истории приграничных народов и территорий в КНР уделяется значительное внимание. В эту же сферу входит и история Джунгарии. В Хух-Хото был издан труд Дзюнько Мияваки «Последняя кочевая империя» (Гунсе Чуньцзы, 2005) (на китайском языке прочтение ее имени и фамилии звучит как Гунсе Чуньцзы), переведенный с японского на китайский язык, что представляет собой новое веяние в современной китайской историографии, которая уже не пытается ограничиваться только источниковой базой цинской историографии и трудами отечественных историков.

В «Сведениях и материалах по монголоведению за 1985 г.» («Мэнгусюэ цзыляо юй циньбао») (Вып. 3 и 4) имеется переведенная на китайский язык статья японского монголоведа Ханэда Акира «История джунгаров XVI–XVII вв. и расцвет ойратов» (там же, с. 169). В этом же сборнике (Вып. 2), также за 1985 г., находится статья другого японского ученого Вакамацу Хироси «Калмыки и Восточный Туркестан в сере-

дине XVII века» (Мэнгусюэ цзыляо, 1987, с. 170). Статья Вакамацу Хироси «Продолжительность жизни Хара-Хулы» в издании «Справочных материалов по изучению истории монголов» («Мэнгуши яньцзю цанькао цзыляо») (Вып. 5, 1975 г.) уже своим названием вызывает интерес. Еще И.Я. Златкиным отмечалось, что источники сообщают очень мало сведений о перемещениях, происходивших в те годы в юго-восточной группировке ойратов. Можно только уверенно утверждать, что в 20–30-х годах XVI в. непрерывно росли сила и влияние цоросского дома, возглавлявшегося Хара-Хулой (Златкин, 1964, с. 119). И.Я. Златкин отмечал это, исходя из сведений русских архивных материалов. Для реконструкции исторических событий, происходивших в юго-восточной группировке ойратов, которую представлял цоросский Хара-Хула, необходимо обращаться к восточным источникам, что и было в этом деле исследовано японским ученым.

Этот автор фигурирует в том же сборнике («Мэнгуши яньцзю цанькао цзыляо»), (Вып. 3 и 4) с работой «Процесс формирования Джунгарского княжества». Здесь стоит отметить то, что принятое словосочетание «Джунгарское ханство» не используется, а употребляется, как мы видим, «Джунгарское княжество». Если верить китайскому изданию, то термин «Джунгарское княжество» использует и упомянутый выше Ханэда Акира. Так, в издании «Справочных материалов по изучению истории монголов» («Мэнгуши яньцзю цанькао цзыляо») (Вып. 58, 1975 г.) имеется статья Ханэда Акиры «Джунгарское княжество и бухарцы» (Мэнгусюэ цзыляо, 1987, с. 170). Опубликована в переводе на китайский язык и статья Сагучи Тору «Обзор истории и общественной экономики джунгаров» (там же, с. 171).

Событиям ожесточенного противоборства между Цинской империей и Джунгарским ханством, а также трагической гибели последнего посвящены труды другого японского исследователя Чибэ Муноэ с громким названием «Черный смерч: похоронный звон джунгаров» (Chiba Muneo, 1986). Его труды, по-видимому, содержат богатый фактический материал, среди которого имеются ранее неизвестные российскому монголоведению данные о важнейших исторических событиях в джунгарском социуме. Примером может служить упоминание Чибэ Муноэ о том, что в 1745 г., когда джунгарский правитель Галдан-Цэрэн умер, вспышки оспы явились причиной беспорядков у джунгаров и причиной смерти около 30 процентов населения ханства (Perdue, 2005, p. 48).

Историки КНР привлекают также работы советских исследователей, причем они знакомы с ними не понаслышке, а непосредственно работают с переведенными на китайский язык трудами таких исследователей, как Б.П. Гуревич, И.Я. Златкин, В.С. Кузнецов. Можно привести следующие примеры:

1. В издании «Справочных материалов по изучению истории монголов» («Мэнгуши яньцзю цанькао цзыляо») (Вып. 18) имеется статья И.Я. Златкина на китайском языке «Освободительное движение монголов в 1754–1758 гг. против Цинов и разгром Джунгарского ханства» (Мэнгусюэ цзыляо, 1987, с. 169).

2. В «Материалах по истории Северо-Запада» («Сибэй лиши цзыляо») за 1980 г. находится статья Б.П. Гуревича и В.А. Моисеева на китайском языке «Взаимоотношения Цинского Китая и России с Джунгарским ханством в XVII–XVIII вв. и китайская историография» (там же, с. 170).

3. В издании «Справочных материалов по изучению истории монголов» («Мэнгуши яньцзю цанькао цзыляо») за 1975 г. (Вып. 18) имеется статья В.С. Кузнецова на китайском языке «Из истории завоевания Цинским Китаем Джунгарии» (там же, с. 172).

4. В «Минцзуши ивэньцзи» за 1983 г. (Вып. 11) находится статья И.Я. Златкина на китайском языке «Архивные материалы об Амурсане» (там же, с. 175).

Сейчас при активной переводческой деятельности в стране китайские историки все шире используют переводы научных трудов на китайский язык с японского и русского языков для более серьезного утверждения концепции «да тун» («великого единения») в современной китайской историографии. Что касается ойратского направления в исследовательской деятельности китайских коллег, то оно глубоко укоренено в традиционное историописание, разработанное еще во времена правления династии Цин. Концепция «да тун» активно используется китайскими исследователями при изучении истории Джунгарского ханства. Она положена в основу и цинской политики XVIII в., и современной внешней политики КНР, которая направлена на достижение двух основных целей: сохранение и поддержание порядка на западной границе бывшей Джунгарии и Восточного Туркестана по Памиру и достижение устойчивого равновесия между различными народами, населяющими регион, с тем чтобы ханьцы могли управлять ими всеми, как это делали маньчжуры при династии Цин (Дубровская, 1998, с. 85).

Что касается общероссийских научных интересов, то принимая во внимание повышенный интерес к джунгарской истории со стороны зарубежных историков, в деятельности которых заметны не только достижения, но и ошибочные концепции, следует отметить, что перед исследователем должна ставиться задача объективного и более углубленного изучения не только источников (которые по истории Джунгарского ханства также характеризуются и огромным количеством, и озадачивающей полиязычностью), но и трудов современной историографии по истории Джунгарского ханства. Прделанная нами попытка проанализировать некоторые труды современной историографии по истории последней кочевой империи лишь частично отразила как достижения, так и ошибочные взгляды исследователей КНР, Казахстана и Японии по джунгарской тематике.

Список литературы

- Гунсе Гунцзы.* Цзуйхоу ды юму диго (Последняя кочевая империя). Хух-Хото: Нэймэнгу жэньмин чубаньшэ, 2005.
- Данияров К.* Альтернативная история Казахстана. Алматы, 1998.
- Дубровская Д.В.* Судьба Синьцзяна. Обретение Китаем «Новой границы» в конце XIX в. М., 1998.
- Ерофеева И.В.* История казахско-джунгарских отношений XVII — середины XVIII вв. с позиции междисциплинарного подхода: к постановке проблемы // Актуальные проблемы Центральной Азии и Китая: история и современность. Сборник научных статей памяти Б.П. Гуревича. Барнаул: Азбука, 2006. С. 53–110.
- Златкин И.Я.* История Джунгарского ханства. М.: Наука, 1964.
- Левшин А.И.* Описание киргиз-казачьих... степей. 2-е изд. Алматы, 1996.
- Гавердовский Я.П.* Обзорение киргиз-кайсацкой степи // Архив института истории РАН. Кол. 115, № 495.
- Ма Жухэн, Ма Дачжэн.* Циндай ды бяньцзян чжэнцэ (Приграничная политика династии Цин). Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 1994.
- Магауин М.* Азбука казахской истории. Документальное повествование. Алматы: Казахстан, 1997.
- Моисеев В.А.* От какого наследия не отказывается современная казахская историография // Россия–Казахстан: современные мифы и историческая реальность. Сб. науч. и публицист. статей. Барнаул, 2001. С. 86–94.
- Моисеев В.А.* Политика России в Казахстане и Центральной Азии в освещении новейшей казахской историографии и публицистики // Россия–Казахстан: современные мифы и историческая реальность. Сб. науч. и публицист. статей. Барнаул, 2001. С. 56–64.

- Моисеев В.А.* Русско-казахские и казахско-джунгарские отношения в XVII–XVIII вв. в освещении современной казахской историографии // Россия–Казахстан: современные мифы и историческая реальность. Сб. науч. и публицист. статей. Барнаул, 2001. С. 158–170.
- Мэнгусюэ луньвэнь цзыляо соинь* (1949–1985) (Указатель статей по монголоведению (1945–1985). Хух-Хото: Нэймэнгу дасюэ чубаньшэ, 1987.
- Сулейменов Р.Б.* Внешнеполитические связи Казахстана XVI–XVIII вв. в советской историографии // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI–XVIII вв. Алма-Ата: Наука, 1983. С. 8–34.
- Хэ Тяньцин.* Миндай мэngu ши луньци (Очерки по истории Монголии во времена династии Мин). Пекин: Шаньфу иньшугуань, 1984.
- Chiba Muneo.* Jungaru no Chosho // Kara buran: Kuroi suna-arashi. 2 vols. Tokyo: Kokushokankokai, 1986.
- Chiba Muneo.* Tenzan ni habataku // Kara buran: Kuroi suna-arashi. 2 vols. Tokyo: Kokushokankokai, 1986.
- Miyawaki J.* The Nomadic Kingship Based on Marital Alliances: The Case of the 17th–18th Century Oyrat // Proceedings of 35th Permanent International Altaistic Conference. Taipei, 1982. P. 361–370.
- Perdue P.C.* China Marches West: the Qing Conquest of Central Eurasia. L.: The Belknap Press of Harvard University Press, 2005.
- Wada Sei.* Studies on the History of the Far East (Mongolia). Tokyo: Toyo bunko, 1959

Summary

D.G. Kukeev

On Some Trends in Modern Historiography of the Zhungar Khanate

The article analyses the trends of the Kazakh, Chinese and Japanese historical studies concerning the history of the Zhungar Khanate (1635–1758). The author tries to reveal specific features of various historical concepts. The article presents concepts under discussion and new methods for the reconstruction of the Zungar Khanate historical events, which were developed by the scholars from the above-mentioned countries.